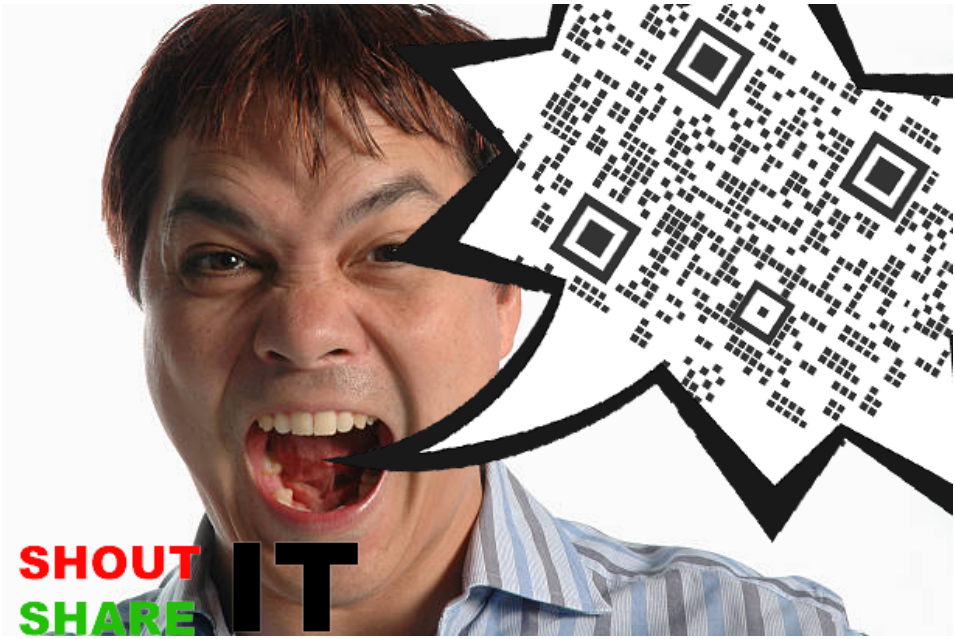
КАЛ-ЛИСТ

Сергей РУБЛЕВ


SHOUT
SHARE
IT

- Сергей Рублев

Сергей Рублев
КАЛ-ЛИСТ

Как только я увидел эту светящуюся тлю в небе, так сразу понял, что хорошего ждать не приходится. Понятно, тут же начался великий мяв и колыхание — народ, вылупив зенки, пялиться на чудо невиданное и далеко не безмолвствует: «А это что за похребень в небе болтается?» «Гуманоиды прилетели, как сядут, так всем каюк…» «Да гундеж все — войнючки сапог запустили, облака разгонять за валюту…» — ну и так далее. В ухе что-то противно зудит — вот зараза! Заталкиваю туда палец и отколупываю кнопку релейки — видать, что-то важное, чтоб им… Заползаю в подвернувшийся люк, оставив на поверхности только вынутый глаз — для наблюдения. Нас шариком в небе не проведешь — если есть один, будет и второй, а уж то, что между ними свесится, всем человечеством иметь будем. Слышу — взывают: «Моргун, Моргун, я Пелядь, прием…» Отвечаю, как положено: «Ядрит твой файл, Пелья, скоко можно срать в эфире — дело давай». Будет и дело — Пелядь, как обычно, краток: экипироваться и прибыть в мобильную группу контактеров с целью захвата объекта в месте приземления… Он еще и садится будет? «Будет, будет, еще как будет — всей задницей! ЕБМ выдает прогноз в тютельку, так что только подваливай и жди!» Н-да. Место — где-то в средней полосе, Херовский район деревня Растудыткино. Ладно — засовываю микрофон обратно в ухо и напоследок еще раз наполняю взор зрелищем ползущего в небе стрептококка. Забрав с люка уже изрядно остывший глаз, по быстрому валю в подземку — тут пешком недалеко, особенно если по канализации. По дороге прибил пару крыс да какую-то светящуюся мокрицу — много их нынче развелось, от АЭС так и прут, куда тамошнее начальство смотрит? Впрочем, там сами сплошь мутанты. Видел я одного — такая херь во сне не присниться, весь склизкий, глаза ороговели и не моргают, а как рот откроет… В общем, урод оральный, прости господи.

Склад у нас, тайных работничков, замаскирован под сортир тире нужник. Под этим пять этажей, набитых железками. Дергаю за ручку и спускаюсь — на третьем этаже меня уже встречает сублейт — субъект, судя по платиновому зубу, повышенной культуры. По предъявлении голограммы на черепе сей Кербер выдал мне запасную чипсу, пару ручных сканнеров, комплект биомодулей (суставов там, еще кой-каких запчастей на черный день — мало ли, мизинец под трактор попадет, а в нем одних

изотопов на три тыщи мокреньких!) Потом, чтоб уж по высшему разряду, засадил пару интелей в интерфейсное место, а опосля еще обмазал с ног до головы вонючим пластиком — «кремниево-кадмиевый элемент спонтанного отброса», по простому — третья шкура. По мере надобности защищает от пуль, осколков и ЭЛМ вплоть до промежуточных бозонов. Хорошая вещь, только все время хочется почесаться.

— Поедете с Простатой и Фензелем, — сообщил сублейт, скаля свой платиновый зуб, — там еще кто подойдет — Хабибулин с Берцевым, Вайдак да еще, может быть, Пизин…

— Как, он жив еще? — удивился я, пытаясь навьючить на себя комплект жилобеспечения.

— Все может быть, — философски ответствовал сублейт и ушел куда-то по своим сублейтским делам. Та-ак, а мне, стало быть, точку рандеву из пальца высасывать? Тут чую — в спине колет, душевно так, будто гвоздь забивают. Могучим пинком вправляю в хребет декодер и глохну от голоса Пеляди: «…ишо в центре, по адресу бульвар Свободы пять…» и т. д. Замагнитил, в общем, адресочек. Ясное ё — сначала за шишками заехать. Списочек — епископа рожать! одни академики! Ну еще какой-то сраный член-коришко затесался — чтоб, видно, было об кого ноги вытирать. Да и то — лауреат прошлогоднего химического Оскара профессор Глистогонов. Далее по возрастающей: академик Прозорюк, астроном и бабаллистик; атомщик из ящика с фамилией на шестнадцать цифр; приблудный лингвист Рубай-ибн-как там его (вот с этими фамилюками у меня особенно плохо!), скорее всего, спец по обрезанию; какой-то затраханый математик Смирный, еще более траханый прибалтной историк — не то Стаарка, не то Кастарка; уфолог Воровко с ассистенткой (ну дык!); и для полного счастья — биолог, специалист по психологии муравьев академик Мураков. Ну и гребаная компания, едрит-победит! Одно утешает, после заморозки до места их доставят наподобие дров — и им хорошо, и нам приятно.

Турбогруз уже ждал на поверхности, замаскированный, как обычно, под дерьмовоз. В кабине сидел какой-то хмырь и потел от страха. Хорошо еще, не обмочился, завидев меня в новенькой шкуре. Пришлось для бодрости дать ему по шее — ничего, завелся, поехали. На точке быстренько покидали в цистерну с дерьмом контейнеры с академиками, потом зарядились в катапульту, пустышка пернула в тринадцать же, и вот мы уже порхаем над облаками, как ангелы. Ну, правда, не совсем ангелы — от толчка цистерна треснула, и наша пташка изрядно накакала. Ничего, сойдет за очередной химвыброс…

В ухе звенело всю дорогу — жаль, некого было спросить, в котором. В среднем, конечно (оно у меня какое-то там особенное) — родная связь ни в жисть не бросит одинокого путника на темной дороге. Но и весело, правда — особенно, когда сообщили, что гость, зараза, по пути протаранил самую главную теплицу Космического Экологического Центра, и все ихние экологически чистые ананасы и дыни теперь выпадают метеоритным дождем где-то над Урюпинском. Под это дело особенно хорошо прошла обеденная пилюля со вкусом вяленого пениса, занюханная средой, содержащей академиков. Тут же, аккурат в самой верхней точке траектории, достал вызов нашего не больно-то экологического Центра — оказывается, гостенек, напуганный своим подвигом, двинул не куда-нибудь, а на конопляные поля нашего недосуверенного соседа. Дохихикался, бля! Вертаю ручку сопла — а сам слушаю в четыре уха последние известия нашего канала. Академики плюхаются в своем, птичка поворачивает на новый курс, а ди-джей в погонах кроет матюгами всех подряд. Кое-кто отзывается — Фензель скрипит, Вайдак отбрехивается, откуда-то из под Талды-Кургана отзывается Простата… Только Пизина не слышно. Ору: «Пизина никто не видел?!» В ответ хор работников астрала: «На Луне небось штопорит…» «Да он в декрете давно!» «А тебе-то, Моргун, на какую задницу?» ну и т. д.

— Пизин на подходе, — информирует Центр, закрывая прения. Доволен и этим — значит, существует еще в природе. Тем временем пришлый космодрын приземляется точно посреди Бойконура, в самую гущу ихней дури. Соображаю насчет подлета — тут надо действовать быстро, но без одышки, поскольку дурь контролируют лишь слегка перевооруженные убойцы всех мастей, не считая ихнего спецназа — для особо торжественных случаев. Зачем им этот шарик, вопрос отдельный, но с них станется только за потраву валютной травки спустить с него блестящую шкурку. Ну да нам нарушать этот ихний суверенитет не в первой — и ахнуть не успеют, а уже не девочки! Запрашиваю ЕБМ — в ответ слышу обычное: «Сначала определим дефиниции». Ну, рвать-мать! Уже плюхаться надо, да только нашей железке это до Норберта Винера — АДская машина все-таки… Посопели, покряхтели — определили, что считать силовым действием, а что банановой шкуркой, присовокупив к этому доклад местного гарнизона о приземлении бандуры неизвестного назначения. Гарнизону было приказано объект оцепить, до поры не трогать, в случае чего стоять насмерть, иначе приеду и лично запинаю командира. Вследствие этого потомок арифмометров поскрипел мозгами и выдал план-прогноз, под конец украсив сие

сомнительное произведение очередной перлой: «В случае несанкционированных силовых действий виновные подлежат ответственности». В переводе это значит: «Если огребёте, ребята, назад не возвращайтесь». «Где Пизин?» — спрашиваю на всякий случай. «Пизин на подходе». Это я на подходе — уже и земля в иллюминаторе видна! Врубаю тормозные и ложусь, чтоб пилюлю сподручее переваривать — академикам, само собой, до Норберта. Тихий час в морге, в общем, только по кодированному каналу Стратегического Центра два комика торгуются по поводу цены на рыбий жир — тихо так, ненавязчиво…

…Приземлились прямиком в болото на месте стартовой ямы — местные лягушки про это долго будут помнить. Минут через пять к трапу подбежало какое-то земноводное в кирзачах: «Так-бряк, оцепление поставлено, командир строительного батальона старшлейтенант Серин». Вот уж пробаб твою баб! Неуж ничего под рукой не оказалось, кроме этих зверюг с лопатами? «Выньте репей из задницы», — говорю старлейту для острастки и жму на побудку. Научная общественность вскочила, как встрепанная — сирена в ухо да пара сотен вольт в копчик, только и всего-то. «Где объект внеземной цивилизации?» — сразу спросил уфолог, пока остальные недоверчиво принюхивались друг к другу.

— Эй, где объект? — кричу старлейту, отрывая его от созерцания своей заплатанной задницы. «Так-то и так — объект сел сорок минут назад в конопляном поле, личный состав обнажает подходы…» Гляжу в указанном направлении — действительно, километрах в двух виден клепаный стальной шар величиной эдак с дачу президента. Да не нашего гребаного президентишки, а настоящего — компании «РосВор», этажей на пятнадцать. Конопли вокруг уже нет — обнажили, стало быть, подходы. «Едем!» — решает за всех не то Старка, не то Кастаарка, и прямо с трапа въезжает в трясину — аж нашу пятитонную пушинку закачало. Смех, ей богу! Достаю из запаски заветный мешочек с гайками — хорошие гайки, сам у Пизина на штыри от колченогов поменял. Ну, значит, накидал их штучек десять, обозначил трясину — у научной общественности и глаза заблестели. Последнюю уж кинул специально для них, в самую топь — булькнула моя гаечка, и пузырей не пошло. Академики аж крякнули от удовольствия. Тут и старлейт подрулил на «лягухе» — старье то еще, воздушная подушка вся в дырьях, сквозняк развел, в воздухе черт-те что летает — лягушачья икра, что ли… Быстренько загнал туда академиков по счету, отчалили — ну, с богом!

…Бог богом, так черт попутал — где-то с час мы выписывали круги и восьмерки вокруг шара — я уже и материться перестал.

Подавай им, вишь, научный подход! По мне, подходить так подходить — но этим мозголожцам и понять невдомек, что нас вот-вот суверенцы накроют. Пока не пересчитали каждую заклепку, не перемножили и не разделили, не успокоились. Бойцы в оцеплении, гляди-ка, перешли на осадное положение — знакомым душком потянуло. Старлейт сразу обеспокоился, носом начал крутить: «Опять косят, распродрыг твою мать…» Дал спирту глотнуть — отошел, бедолага, повеселел. Рулит уже прямо на пришельца, учёнцев переполошив — кто приказал? «Но, в самом деле, коллеги, может быть настало время ознакомиться с феноменом поближе?» Кто же это… А-а, уфолог истосковался — ишь, как ручкой выделывает. Меня тем временем зверски щиплет в ухо: «Зафиксировано выдвижение колонны со стороны поселка Мухры… Время до контакта предположительно 30 минут, задействован вариант „Сброс“». ЕБМ, как обычно, краток, но содержателен. И вариантов у него тьма-тьмущая — коли один провалиться, другой ну ни за что не подведет! Зато у меня вариант один — дорваться до шара, занять там позицию, а там хоть трава не расти, поскольку давить нас тогда придется вместе с пришелюгой.

…До шара оставалось метров двести, когда грянул гром среди ясного неба и сыпануло градом, да не простым, а кремнийорганическим — застучали по крыше семечки бешеных огурцов калибра 87 мм. В общем, заняли мы позицию, жабье вымя. Началась массовая посевная под лозунгом «Семя в массы». Только из этих семечек (чтоб икнулось тому, кто продал их аборигенам) лезет не трава, а колючая проволока. Реактивные капсулы, начиненные квазиорганикой, вещь не то чтобы очень смертоносная, но в кое-чем очень противная… «Лягуху» начало швырять, академиков тоже — ну и слов же они знают! Пока я пополнял словарный запас, старлейт молодецки уворачивался от проволочных гадюк. Даже запел что-то — вовремя я ему грамульку капнул. Не подведет старлейт! «Ходу, ходу!» — кричу, держа летающих старцев за шкирки. Ассистентка тем временем забилась между моих коленок и вибрирует аж до самого копчика, причем тоже моего. Конец настает буквальным образом! «Правь к шару!» — ору, а самого нервный смех разбирает — шкура-то моя вторая понятие ох как растяжимое! Тьфу! До чего людей боевая обстановка доводит… Между прочим, пока я этак переживал чувствительный момент, вокруг шара ограда выросла сантиметров на тридцать. Через часок закроет в купол, и хана — только автогеном и возьмешь. «Стой!» — командую. И слышу стрекот вертохуев. Та-ак — где ты, мой верный ЕБМ? Молчит, конечно — чего ему волноваться в своем бункере, диоды

пережигать…

— Старлейт, — говорю, — родной, у вас в стройбате хоть пара автоматов найдется?

Чувствую, начинает проникаться (а стрекот все слышней). Поддаю еще — со слезой:

— Старлейт! Ст… (как там его?) Серин, выручай! Родина-мать, растудыт её тудыт в семи положениях — только на тебя у нее вся надежда!

Такое уважение его доконало. Появился нездоровый блеск в глазах, морда раскраснелась — сейчас, гляди, задымиться. Да, патриотизм, если со спиртом — страшная штука! Через минуту старший лейтенант Серин бодро топочет к своим, прыгая через остывающие колючки. Лопаты к бою, едрён-гормон! Я тем временем разворачиваю лоханку и штурмую колючки — куда ни кинь, а лучше быть поближе к небесному паданцу. Оглушенные академики сидят смирно и тупо глядят перед собой — только уфолог подозрительно коситься на ассистентку, грациозно ковыряющуюся в зубах. Я уже прикидываю, чем их расшевелить, когда окажемся у шара — спирт-то уже весь… Да, видно, не судьба — через секунду подушка сдохла, и по днищу со страшной силой заскребло. Во! И спирту не потребовалось: «Прекратите! Это же невыносимо!» — тут же завопил Рубай-ибн и т. д., затыкая свои лингвистические уши. Кто бы спорил — глушу мотор и на свежий воздух. До шара-то уже рукой подать, авось допехаю. Да и академикам моцион не повредит… Тут вдруг оживает приемник и выдает экстренное сообщение: «Внимание, в связи с непредвиденными обстоятельствами территория вокруг объекта будет подвергнута дебиологизации… Внимание, внимание, подтвердите прием!» В это время ассистентка визжит, увидев шевелящиеся квазиживые колючки — под этот аккомпанемент и отвечаю прямо, от души: «Идите вы туда-то, туда-то и туда-то, дебиологи хреновы!» «Прием подтвержден», — как ни в чем не бывало каркает ЕБМ и отключается. За что люблю машины — на правду не обижаются. А стреляли, стало быть, свои — теперь, если придется загибаться в этих зарослях, то от осознания этого на душе должно быть светло и радостно. Женский визг тем временем переходит в леденящие душу вой и рычание — а вот и комарики на воздушном шарике! Из-за лесочка вываливают две укороченных вертохрени чуток постарше ноева ковчега. Однако, какие ни какие, а вооруженные силы, и мизинцем их с неба не сковырнешь — брюхо бронированное, да еще пара веерных огнеметов — на отдавит, так прижгёт. Значится, учиться пришельцам ихней картавой мове, а не нашему великому и могучему… Тем временем пара беременных дятлов доползают до

бетоногвардейцев и начинают стучать им по темечку. Те отвечают — в основном тем самым великим и могучим. Но, правда, до академиков им далеко… Научная общественность, не будь дура, забивается в квазиорганику, которая тут же начинает это дело проверять на предмет усвоения. Сколько не учили эту самоорганизующуюся падлу, однако ну никак не удержать ее от склонности пожрать! С другой стороны, может, и вправду лучше быть переваренному отечественным продуктом, чем загрязнять атмосферу? Закроем, так сказать, собой в буквальном смысле слова… Однако — вот ведь жалость! — с этим придется погодить: вдруг откуда ни возьмись прям из стартового из болота выкатывает какая-то страшно ржавая машина и характерно так откашливается на прилетевших. Все заволакивает огнем, из которого вскоре вываливается что-то вроде погорелого дачного сортира с пропеллером. Из брюха на головы академиков сыплются запчасти и, похоже, отскакивают… Страшно, доложу я вам, трогательная минута. Особенно когда маханувшая лопасть легонько так погладила меня по макушке — если бы не вторая шкура, одним скальпом не отделался бы! Ору всем «Ложись!», а сам в недоумении — как теперь преодолеть эту будку с пропеллером? Но, вытащив башку из плеч, уразумел, что это никакая не будка, а сам бог из машины сел прямо на колючку своей божественной задницей. Колючка эта на дармовом выхлопе вымахала уже в человеческий рост, и не нашим доблестным академикам с большими задами ее штурмовать. А теперь — извольте, переходный тамбур. Вот только чертова мельница никак не встанет — все «фыр» да «фыр». Атомному жернову все нипочем, так и мелет до кварков — урана ему хватит до второго пришествия. Но колючки этого ждать не станут — вон, уже под брюхо подбираются… Вокруг уже все поуспокоилось, поскольку осталась только гарь и чад. Гвардейцев не видно — перешли с осадного положения на казарменное, проще говоря, утекли. Ученая братия сидит в засаде — только пенсне сверкает, навроде оптических прицелов. Ага — ведь среди них, помниться, был и атомщик, если по дороге в щель не провалился… «Кто тут физик?» — спрашиваю вежливо. Вот он, родимец — сам встал! Хоть серый весь, но держится — молодец, люблю таких. Для понятности тычу в заводную игрушку «Вертолет на палочке»: «Нужно разобраться с этой атомной шарманкой, иначе не пройдем!» Он только пенсне поправил: «Но это не мой профиль!». Как так «не мой профиль»?! А чье фамилие из шестнадцати цифр?!! «Извините… — гундосит, — но кодировка моей фамилии составляет только один байт… то есть, всего восемь знаков…» Куда ж остальные пропали?! Загадка… Однако вскоре, всего

после минут трех пыканий и мыканий, выяснилось — это вовсе и не он на самом деле. То есть, не академик, а так… Рядом стоял. Рядом с шефом, который в очередном запое находился на четвереньках в своем кабинете. А он, значит, стоял в том же кабинете на двух ногах и разумно отвечал на звонки — тут-то его и заморозили, не спросив фамилии. Сам же он божий одуванчик, аспирант из ящика в третьем поколении и специалист по форсункам. Такой вот форсуночный мажор. И из всего, что нужно, он может сейчас только сыграть обратно в свой ящик. Ну что ж… Поднимаю контингент быстрого реагирования, ставлю спеца по форсункам во главе колонны, и… «Дранг нах!» — то бишь, вперед в мясорубку! Сам погибай, а товарища выручай, а так же за одного битого двух небитых дают, и оба — ученые величины! Кем же из них жертвовать? Вопрос ясен — начинаю в уме сочинять извещение о павшем смертью храбрых от злодейского пропеллера младшем научном сотруднике такого-то института, первой жертве контакта… Позади как раз что-то сочно, по военному залязгало, заскрежетало, и внезапно вышедший на связь ЕБН пробормотал что-то о контакте, только об огневом — подошла колонна из селения Мухры. Общественность поднажала, и будущего героя прямо-таки на плечах понесли к мясорубке (фыр-фыр-фыр!). Шар в лучах заката казался уже совсем своим, почти уже родным — блестит, золотце, самовар самоваром! Я уже на всякий случай прикрылся рукой, как вдруг впервые за все время он подал признаки жизни — в боку появилась черное пятно, и оттуда с чмоканьем начали вылетать какие-то комки. Первый же угодил в ступицу пропеллера, и мясокрутку с визгом начало клинить. Следующий попал в воздухозаборник, и машина, порычав маленько, окончательно встала. Остальные комки в беспорядке плюхались кто куда, и через пару секунд начали вонять. Да как! Давясь и поблевывая на ходу, моя команда ломанулась сквозь железяку и через секунду уже была около шара. Уфолог Воровко влек ассистентку на руках — вернее, взвалил на плечо, и по пути она, не будь дура, уделала его блестящий костюм. Но ученому ли думать о пустяковом изъяне! Он уже вовсю пускает сопли над сочной лепешкой из шара: «Коллеги, это была несомненная попытка контакта!» и подносит, значит, это самое, размятое в пальцах, к коллегиному носу — ну как тут не согласиться! Пришлось чуть ли не силком отрывать его от продукта чуждого разума и тянуть под круглый бок. В крайности пообещал, что в шаре этого самого продукта, наверное, поболе — только этим и соблазнил. Счастлив наш бог из машины — квазиорганика (спасибо квазисоздателям!) уже зарастила все входы и выходы, встала в два человеческих роста и, похоже,

заколосилась, так что и танком урожая не соберешь. Пора вызывать подмогу: «Пелядь, перемать, где Пизин?! — спрашиваю по спецканалу. — Доставай его хоть из под земли, иначе тут такая херня учиниться, которую твои внуки по учебникам проходить будут!» «Пизин на подходе», — любезно информирует Пелья, и тут же в подтверждении Пизин сам наконец, с треском объявляется на местном УКВ: «Ну я прям вся на связи!..» — и густо так отрыгивает. Опять девицу в кеммере изображает, гомункулюс чертов! «Ты где?! Если через пятнадцать минут не выползешь, чертова кочерыжка, готовь задницу!» «Есть, командир, всегда готова!» Н-да… Местное население тем временем проявляет естественный интерес к предмету — над головами шуршат какие-то болванки и со звоном тюкаются в стальной бок. Это они зря — гости ведь и обидеться могут! А главное, отскочившая железяка может ненароком зашибить какого-нибудь из академиков, и тем самым нанести невосполнимый ущерб мировой науке, а еще хуже — моему послужному списку. Ученой братии, однако, не до того: уфолог уже вовсю семафорит тем, кто в шаре — не зря, выходит, ручкой тренировался! Судя по жестам, предлагает инозвездникам ручей из водки и толстую-претолстую бабу. А его ассистентка после сеанса рукоплесканий начинает вполне профессионально раздеваться, видимо, чтобы наглядно продемонстрировать то, что обещано. Коллеги из деликатности отворачиваются, только спец по форсункам, разинув рот, следит за действом, и судя по всему, стрелка его манометра аж гнется на ограничителе. Не знаю, как ему, а пришельцам терпения хватило только до кружевных панталошек с символами атомиума — на этой стадии контакта крышка шара начала со скрипом отворачиваться. Потом оттуда повалил зеленый дым, но быстро осел на нас белесыми хлопьями, которые химик тут же определил, как сильножирный карбонат силициума. После же третьего звонка на макушке шара появились самолично пришельцы в количестве двух крохотных фигурок. Ну, дождались! Гора с плеч — теперь вся ответственность по инструкции переходит к главе комиссии, а моя твоя не понимай. Даже аборигены прониклись величием момента и прекратили пальбу — а может, рванули за муллой, чтобы изгнать шайтанов. А шайтаны, покрасовавшись с минуту в ожидании почетного трапа с ковровой дорожкой, сиганули вниз, разворачивая по пути какие-то зонтики, что ли… «Крылатые!» — завопил уфолог и от восторга шлепнул по ассистентке так, что самые нервные вздрогнули. Чему, спрашивается, рад? Натуральные же, можно сказать, ангелы в скафандрах на его научную лысину валяться! Только вот чтобы встать, как положено, на колени, да перекреститься, того от

ученой братии не дождешься — сразу полезут с градусниками измерять температуру ангеловых подмышек… Первый ангелок тем временем выпустил адский выхлоп и шлепнулся посередке, густо всех обдав зеленой жижей. Второй, покружив немного, деликатно присел чуть поодаль. Обоих не хотелось бы видеть в самом жутком кошмаре. Нет, то, что зеленые, это еще туда-сюда — в конце концов, наука об этом давно догадалась в лице самых продвинутых журналистов. Но вот то, что зеленые они не сплошь, а какими-то пятнами с бурыми разводами… Да и общее выражение как с плаката: «Родимый коммандос в джунглях у проходимцев». Второй хоть поинтеллигентнее на вид — ну, как лягушка в сравнении с жабой. Однако жаба — всегда жаба, главнее ее на всей земле нет пресмыкающего. Вот эта самая обер-жаба, сняв свои зонтики, отстранила контактера и чего-то там пропукала, глядя на меня одним глазом из пяти. Стою, конечно, ничего не понимаю, только от вежливости зубы скалю. Тут встрял ихний интеллигент-жабовещатель: «Здравствуйте пожалуйста дорогие население вас их приветствие с удовольствием проводим». Звучит двусмысленно — тем более, откуда-то из брюха… Тут встрял еще один интеллигент с сурдопереводом: уфолог, опомнившись, сразу взял быка за рога: «Мы приветствуем дорогих гостей на нашей замечательной планете, сколько будет дважды два?» Жаб даже не мигнул. Пришлось отвечать за всех: «Э-э… Типа… Ну, короче, привет, зеленые!» Уфолог аж икнул от огорчения. Жаб обратил на меня уже четыре глаза из пяти (оставшимся все-таки не потерял надежду муху углядеть!), еще раз терпеливо отстранил контактера и обратился прямо ко мне: «Мы есть вас сильно развеселить айн-цвай-драй вшистко едно помирай… Ваш планетт оф годен для гутен морген факен орган, пуркуа нах в натуре козлы…» и с этими словами вынимает откуда-то из «факен орган» здоровенный рулон грязно-розового цвета. Я даже чуть присел — ну, мало ли что, может, у них принято в знак уважения делать это на брудершафт? Но нет — развернул рулон, а в нем бурым по розовому какая-то клинопись. Вся ученая братия так и вьелась глазами, как вымирающие ихтиозавры в последнюю в этом меловом периоде фиалку. «Это же подлинный артефакт чужой культуры!» — взволновался историк, но, волнуйся не волнуйся, а поздно — гранд-жаба оторвала здоровый кусок от, значит, артефакта, и, раскорячившись, торжественно вручила мне: «Си есть большой синьорально грамот ист Кал-лист!» Развернулась, и, еще раз обдав на прощанье, скорехонько полетела назад. «Коллеги, что он этим хотел сказать?» — вопрошает лингвист… А хрен его знает — стою, обтекаю зеленой жижей (после жабьей посадки только-

только подсыхать начала!), в руке — Кал-лист по полной форме, а посланцы космоса быстренько скрываются в шаре через какую-то калиточку. И тишина. Тут в самый раз встрял Пизин со своей связью: «Командир, через верх не попасть, иду почвой, жди, родной!» Вот зараза! Тут же, обозрев густые письмена, просыпается математик: «Коллеги, вы знаете… Я тут посчитал немного… Эти колонки раскладываются на типовые таблицы развертки трансгрессии по сферическому N-факториалу… Возможно, это прямое указание на место, куда, по их мнению, мы должны…» А-о-у-ых! Тут же шар, наверное, не выдержав ученых выкладок, с жутким выпердом начал раскалываться пополам. А из него… «О-о-о!» — завопил уфолог — ну дык! Прямо из щели между полушариями начинает изливаться манна небесная сильно зеленого цвета, а запах — куда там давешним лепешкам! И орошает меня прямо вместе с этим Кал-листом! Других, кстати, тоже — а куда денутся? Все стало вокруг зеленым, потекли зеленые ручьи по зеленым кочкам, а сверху все «ляп» да «ляп» — и не мимо куда-нибудь, а все на наши головы… Зеленая тоска, в общем. Инопланетная субстанция уже плюхает по щиколотку, когда до меня начинает доходить — вокруг-то стена… А извержение только началось — с молодецким покряхтыванием сооружение выдает на гора не хуже нефтяного месторождения. И если прикинуть обхват шара… Потопнем! Машу рукой, чтоб бежали к ограде — уж там-то есть, за что уцепиться… Тут, как обычно, в самый подходящий момент Пизин напоминает о себе: «Подхожу к поверхности, принимайте!» Мать моя колба! А мужик-то не знает! «Сто-ой!» — ору по пояс в этом самом, но поздно — неподалеку делается громкое «Взлп!» и все месиво ухает на показавшуюся знакомую морду в шрамах. Только его и видели! «Пизин!!!» — да где там! Неужели, наконец-то, конец? Явственно так представляю запись в рапорте: «Старклон Пизин утоп смертью храбрых при исполнении служебных обязанностей…» Ну уж нет! Поднимаю над головой документ эпохи и не спеша плыву к изгороди, отплевываясь от склизкой зелени. Всего дерьма Вселенной не хватит, чтобы утопить нашего человека. Человек — это вам не хрен собачий, он завсегда всплывет из чего угодно, будь оно хоть трижды инопланетное! Пускай так и запишут… в свой кал-лист. А мне пора академиков пересчитывать.

* * *

В общем, все кончилось нормально, потому что могло гораздо хуже. Шар улетел, оставив после себя загадошный памятник

инопланетной культуры — на этом месте теперь специальная закрытая зона, куда пускают только в сопровождении экскурсовода и за немалые бабки (фильтры для носа и резиновый костюм — за отдельную плату). С местными договорились, возместив им убытки за несобранный урожай опиумных культур. Лингвист Рубай и т. д. усердно изучает бурую клинопись, остальная ученая кодла тоже при деле, даже спец по форсункам — консультирует по вопросам напора инопланетного выперда в специально организованном институте проблем Кал-листа. Я тоже ничего не забыл — иногда, если выдается ночь без смога, сижу в бункере и через перископ задумчиво так смотрю на небо. Все думаю, далеко ли полетел инозвездный засранец… И, главное — когда вернется?

Село Мухры, март 2002 года

ЕБМ — Евгеническая Биологическая Машина